

Рассказ

Лишняя вещь

Юрий Николаевич Антокольский, холостяк пятидесяти двух лет, проживал в двухкомнатной запущенной квартире недалеко от Измайловского парка. Он здесь родился, был оставлен отцом в трёхлетнем возрасте и провёл почти всю свою жизнь с мамой, которую похоронил два года назад.

Нынче утром он встал в семь часов, как обычно, умылся, почистил зубы, вскипятил чайничек, присел в провалившееся давно кресло, перед ветхим оставшимся от мамы столиком, закурил сигарету и задумался. Он думал всегда. Навязчивое свойство его организма. Думал ни о чём. Просто думал.

Антокольский выкурил две сигареты подряд, прошёл на кухню, не включая свет, отодвинул занавеску и стал наблюдать за редкими прохожими, что спешили в утренних сумерках по своим делам. Его квартира, номер тридцать один, находится на первом этаже. Стояв так пятнадцать минут, он направился в спальню, заглянув по дороге в большую комнату за сигаретами. Опустился на кровать, закурил. Надо бы поменьше курить, а то кончатся, а до пенсии ещё жить. Юрий Николаевич стряхнул пепел в приспособленную для этого баночку из-под консервы и застыл в своих мыслях.

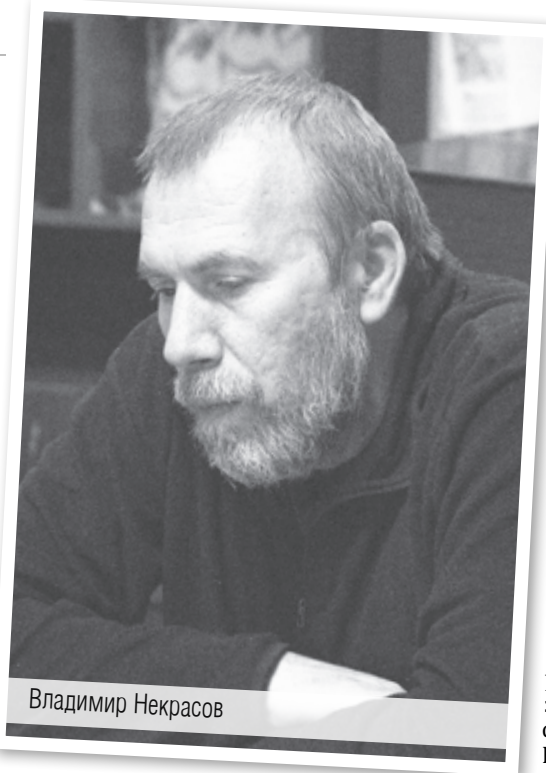
В семидесятые годы он окончил математический факультет томского университета. Яркие воспоминания оттуда. На первом

и втором курсах он спал под столом, ещё один студент – на столе, а пятикурсники рядом, на кроватях. Всего же в комнате жили шесть человек, места не хватало. И еды ему не хватало, когда однажды на полгода лишили стипендии. Хорошо, что изредка мама присылала по десять или пятнадцать рублей. Сейчас хуже. Тогда всё было впереди, а сейчас ничего нет. Антокольский забрался под одеяло, прикрыл глаза и задремал.

Проснулся в двенадцатом часу. Совсем день. Юрий Николаевич лежал, смотрел в потолок с тихой улыбкой, под впечатлением сновидения. Будто он ехал в трамвае, пятнадцатым маршрутом, не московским, а тем, томским. Встретил на конечной остановке Володю с учебником Фихтенгольца в руках, а рядом Зоя Панова стоит, улыбается, единственная и безответная любовь Юрия Николаевича. Странно, а говорили... кто-то говорил, что их уж нет.

– Юра, ты совсем не герой... и всегда мешаешь думать, и вообще ты какой-то никчёмный в нашей светлой стране, Юрочка!.. – смеялась она своим звонким голосом.

А Юра заливался краской, вот и сейчас он немного покраснел, вспоминая об этом. Однажды, на последнем курсе, они шли втроём по весенней улице. Да, это было в мар-

Владимир Некрасов

те, как и сейчас, только было тепло. Зоя держала Володю под руку, а тот, глядя вверх, со счастливым лицом цитировал что-то:

– Две вещи наполняют меня всё большим удивлением и трепетом...

Юра, вслед за товарищем, тоже посмотрел вверх. По небу ползли белые облака, похожие на клочки ваты. И как-то хорошо всё это было, и Зоя, и Володя, и эти облака, и этот весенний день.

– Гляди, что он делает! – Зоя, смеясь, толкнула Володю, указывая на смотрящего в небо Юрочку. – Да он же просто лишняя вещь в кантовской формуле!

– Третий лишний! – захохотал

Володя.

«Мама моя! Какое же хорошее было время», – вздохнул Юрий Николаевич, потянувшись за сигаретой.

Покурил и снова вздремнул. Проснулся в два, таблетку пить ещё рано, но вот пообедать, наверно, пора. Юрий Николаевич медленно поднялся, нащупал ногами шлёпанцы, шаркая, поплёлся на кухню, зажёл газ, поставил чайник, задвинул на окне занавеску, поёжился, на улице всё ещё холодно. А март, конец марта. Достал из кладовки пакетик китайской лапши по три пятьдесят, всего три пакета осталось. Плохо. Отрезал край пакета складным засаленным ножиком, высыпал сухую лапшу в миску. Внутри ещё два мелких пакетика – приправа «со вкусом курицы» и растительный жир, приправу можно оставить, а вот жир... от него всегда тошнит. Юрий Николаевич присел на скрипучий стул и, задумчиво глядя на синенький под чайником огонёк, принялся терпеливо караулить закипание воды.

После диплома, на распределении, с Антокольским произошёл странный случай. Он наотрез отказывался ехать в какой-то уральский городок, где обязан был отработать два года преподавателем математики в металлургическом вузе. Юра ссылался на то, что в Москве его ждёт мама и ему нужно ехать туда и только туда. Никто не ждал от него подобной выходки. А когда он сложил из своих, белеющих костяш-

ками, кулаков два кукиша и стал в безумном молчании показывать их самому проректору и представителям комиссии, то вызвали санитаров, увезли в психиатрическую больницу и продержали там сорок дней. Пожалуй, первый и последний смелый поступок. Потом родной дом, мама... и опять больница, уже по месту жительства. Пенсию дали, невеликие деньги, а как мамы не стало, так и вовсе худо. Антокольский обычно покупает шестьдесят пачек примы и сорок пакетов лапши. Лекарства выдают пока ещё бесплатно. Кстати, не пора ли принять? Восемь минут третьего, да нет, рано ещё, ближе к пяти нужно выпить. Вот и чайничек закипел.

Юрий Николаевич залил лапшу кипятком, посолил, подождал полторы минуты и медленно съел.

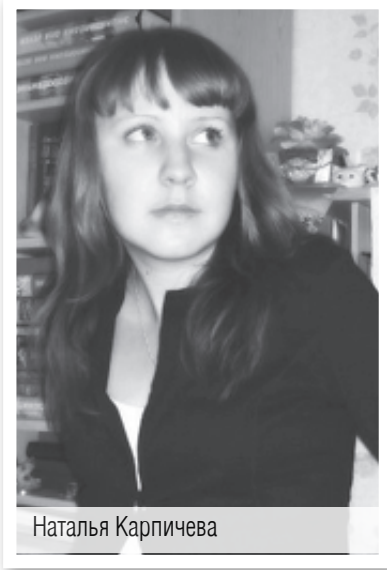
Немного погодя, снова прилёт, но уже не дремалось. Всё ворочалось под одеялом, искал удобное положение, пока не свернулся калачиком на правом боку. Прележав чуть больше часа, он встал и решил всё-таки принять таблетки, ну пусть сегодня будет пораньше. Да, солнышко какое-то выглянуло, можно и прогуляться минут двадцать-тридцать, третий день уж не выходит из дома. Да, действительно, хорошо бы прогуляться. Антокольский проглотил две белых горошины, не спеша оделся. Мама моя, вся одежда износилась, ну ничего, вот весна, тепло скоро.

Он тихо бродил по парку в безлюдной его части – это любимое место. Потом присел на лавку, под нетёплое солнце, задремал, да так и замёрз.

✍ Владимир Некрасов

Поэзия

По свежести и свет...

Наталья Карличева

***

Ломтик слоёного воздуха,
мокрый дым,
В сердце ноябрь,
поворачивается ключ.
А как зацветут слепые твои сады,
Как станешь ты бел-горюч...

Что ж, нарисуй кружок,
а потом сотри, –
Все одиноки, то есть совсем одни.
А станет теплее,
и заискрит внутри
Бог-полупроводник.

Бог по годам размерен и деловит.
Самое время воссесть
и поджечь вино.
Бог наловчился
мастерски делать вид,
Мол, ему всё равно...

Сядешь на поезд –
средство от многих бед.
Чуешь, как накрывает
тебя волна?
И как же он всё-таки
невесом в тебе,
Бог-первокосмонавт.

Насколько-нибудь к югу

Бежать,
когда осенний первый бром –
Без памяти, без кож и без защит,
И небо журавлёнком под ребром
Забьётся и затихнет,
промолчит.

Итак,
держаться южной стороны
(Насколько-нибудь к югу от итак),
Поскольку ты стал друг,
наг, чёрен и,
Признаться,
возвращаться не мастак,

Нанизываться на высокий вольт
И спотыкаться о своя круги,
Не узнавая круглостей и свойств,
И трепет
раскруглевших берегинь,

(Так после жизни ищут черновик
Её, во всём случившейся иной:
Лицом к лицу, разбитый телевик,
Изрядно полинявшее окно)

Угадываемостью в сто из ста
В малоугольной широте души
Рождаться, приглождаться,
прирастать
И ребрами сердешное глушить.

Куклы Полины

Полночь сгущает
смысленное молоко.
Но, если смотреть трёхлетней
и трёхколёсной,
Ясно, нигде не может быть
далеко,
Тем более там,
куда высыхают слёзы.

Ходишь в преувеличенных именах,
Столькому поотказано
в свойстве сниться.
Детство встречается там,
где живёт одна
Очень многознаковая озорница.

В царстве Полины
не заведено скучать,
И, пригласив оранжевого кашея,
Куклы Полины
пьют сонный лунный чай,
Нахваливая
пластилиновое угощенье.

Мишка Полины
всегда стережёт кровать,
Эпикуреец и рыцарь
зефирных плюшек,
Нынче он избран
главным всея игрушек.

А если придут
нехорошие существа,
Явится мятный ангел
из-под подушек,
И будет им
ни капли несдобровать.

Время идёт, всё время
срываясь в пляс.
На полке черствеет
прянишный человечек.
Куклы Полины
всю ночь не смыкают глаз.
Куклам Полины
впору считать овечек.

И ночь – глубочей,
и время – проволоклось
В сторону утра,
с пластмассовой тоской
Куклы тихонечко дышат
на стекло
В крестики-нолики
или же бой морской.

Разность потенциалов

И доколь умирать практически,
Чтобы век не видать Парижа,
Бог всегда ясней
в туристическом,
Ощутимей, ясней и ближе.

Но, как водится, все итоговые
Дни поездки недопогоди.
Бог, поёживаясь и застёгиваясь,
Затерялся в толпе прохожих.

И зацвёл закат терракотовым,
Что ты видела, что ты делала,
Как лежал на ладони города
Камень Сердца Христова белого.

Ветер тонкостный,
время чистого,
Бог прохожих, поднявший ворот,
Не оглядываясь, не учитывая
Третий сентиментальный
возраст.

Но всё бегала рябь зеркальная,
И ты на набережной танцевала...
А это просто ионы калия
Дали разность потенциалов.

Но если

Без восьми осень.
Но как вы узнали, Холмс?
Элементарно,
яблоку вон трубчат,
И, если долго
всматриваться в холст,
Холст начинает
всматриваться в тебя.

Это такой по сырому
автопейзаж,
Самый январь болей
и август мерцать,
Новых домов глухие
пластиковые глаза,
Старых игрушек
горячневые сердца.

Бабушка яблок –
добрая Грени Смит,
Горстка печёных дней,
пирожки с листовой.
И если ты в это небо
лёг костыми,
То каждый его дождь
до глоточка твой.

Чёрствый по круглости ржаной
сухарь-колобок,
Осенний марафон,
песенный колбинат.
Но если ты сегодня от Бога убёг,
То завтра
можешь его уже не догнать.

Зимородки

По свежести и свет,
на радость игрослову.
Ах, если бы ещё с девяток осеней...
Озимый сев строки
вернее ярового,

Вечнее на просвет
и крепче, и пьяней.

А там и сон взойдёт,
а там всего труднее
На дне стеклянных дней
не превратиться в слух
По праву тишины,
мы привыкаем с нею
Пешком идти домой
с вокзала трёх разлук,

Взети себе в себе
притихших пассажиров:
Кого не отпустить,
кто не выходит вон,
Кто будет до конца,
пока больны и живы,
Играть в чужую жизнь
и в мёртвый телефон.

Звонили, и гудок,
как разговор, короткий,
И, если даже мы
от памяти умрём,
Никто и не придёт,
мы птицы зимородки,
Вдыхаем взвесь ситро
с дроблёным январём.

Рио-Рита

Это просто танец среди столов,
Из немых свидетелей этой сцены
Ни один не заметит, как потолок
Укорачивает стены.

В местном баре дым,
или Дрейк и Ной
Сквозь текучие айсберги
в бокалах
Смотрят, как нас качает,
берёт волной
И выбрасывает на скалы.

Мы – танцоры –
белое в белом, грань
Пролегает по краю
опасной бритвы,
Но оставь надежду, когда игра
Происходит в секторе «приориты».

Накрывает мир спасом на любви,
Доливают после отстоя пены...
Прорастая в хрусталиках визави,
Мы кончаемся постепенно.